

РОМАНЫ
КОННА ИГГУЛЬДЕНА

ИМПЕРАТОР

БРАТА РИМА
◇
ГИБЕЛЬ ЦАРЕЙ
◇
ПОЛЕ МЕЧЕЙ
◇
БОГИ ВОЙНЫ
◇
КРОВЬ БОГОВ

ЧИНГИСХАН ♦ ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

ВОЛК РАВНИН
◇
ПОВЕЛИТЕЛИ СТРЕЛ
◇
КОСТИ ХОЛМОВ
◇
ИМПЕРИЯ СЕРЕБРА
◇
ЗАВОЕВАТЕЛЬ

ГРЕЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

БРАТА АФИН
◇
ЗАЩИТНИК

К О Н Н
И Г Г У Л Ь Д Е Н

АЗБУКА

Санкт-Петербург

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Заговор

ГЛАВА 1

Юлий стоял у открытого окна и смотрел на холмы Испании. Заходящее солнце отсвечивало золотом на далекой гряде гор, которая, казалось, висит в воздухе, ни на что не опираясь. За спиной то усиливался, то стихал гул голосов, не мешавших мыслям Цезаря. В воздухе витал аромат жимолости; он щекотал ноздри, и Юлий чувствовал сладость во рту. Подул ветерок, и восхитительный запах исчез.

День получился длинным. Проведя по глазам ладонью, Цезарь почувствовал, как его накрывает волна усталости, похожая на плотную черную воду. Голоса в комнате перемешивались с поскрипыванием стульев и шелестом карт. Сколько сотен вечеров он провел с этими людьми в зале на верхнем этаже крепости? У них вошло в привычку собираться в конце каждого дня, и, даже если нечего было обсудить, они сходились вместе, чтобы выпить и поговорить. Так римляне старались не забыть о родине, хотя видели свои дома в последний раз более четырех лет назад.

Поначалу Юлий с головой ушел в проблемы легиона и вспоминал о Риме не чаще раза в месяц. Дни текли, он вставал и ложился с солнцем, а Десятый легион строил города среди диких пустошей. В Валенсии, на побережье, они с помощью извести, дерева и красок создали почти новый город вместо старого. Легионеры прокладывали дороги и строили мосты, позволяющие поселенцам обживать дикие холмы.

В эти первые годы Цезарь трудился самозабвенно, с неистощимой энергией, радуясь усталости, которая не давала разгуляться воспоминаниям. А потом он ложился спать и видел во сне Корнелию. В такие ночи Юлий вскакивал с мокрой от пота постели

и ехал проверять посты, неожиданно появляясь перед часовыми из темноты. Однако добился он только того, что солдаты стали такими же нервными и усталыми, как и он сам.

Словно для того, чтобы развеять его равнодушие, римские изыскатели нашли в двух новых шурфах золото — богатейшее месторождение, равного которому еще не встречали. Желтый металл имел свою притягательность; однако, когда на стол Юлия высыпали первый улов, он посмотрел на него, ощутив ненависть ко всему, что олицетворяет собой золото. Он пришел в Испанию с пустыми руками, но страна понемногу раскрывала свои секреты, и сокровища вызвали из памяти воспоминания о Риме и жизни, которая почти забылась.

Цезарь вздохнул. Испания оказалась настоящей кладовой несметных богатств, которую не хотелось покидать, но какая-то его часть понимала, что он больше не должен терять здесь время. Жизнь слишком ценна и коротка, чтобы бездарно ее тратить.

В комнате было тепло от жара тел собравшихся людей. На невысоких столах разложили карты новых рудников. Юлий слышал спор Рения и Бруга, гулкое похихатывание Домиция. Молчал только великан Цирон. Все просто коротали время, ожидая, когда к ним присоединится Цезарь. Хорошие люди... Каждый сражался с ним против врагов, был рядом в печали, и временами Юлий думал о том, что с ними можно пройти весь мир. Они заслуживали лучшей доли, чем ссылка в Испанию, и Цезарь с болью видел, с каким искренним сочувствием они смотрят ему в глаза. Он считал, что сам достоин только презрения за то, что привел их сюда и загрузил черной работой.

Будь жива Корнелия, он взял бы ее с собой в Испанию. Можно было начать все заново, вдали от интриг Рима...

Юлий повесил голову; его лица коснулся вечерний ветерок. Бывали дни, когда он вообще не вспоминал о старой боли. Потом чувство вины всплывало, и сны становились кошмарными, словно в наказание за допущенную ошибку.

— Цезарь! У дверей стоит стражник, он спрашивает тебя, — произнес Брут, коснувшись его плеча.

Юлий кивнул и повернулся к людям, собравшимся у столов, отыскивая глазами стражника.

Легионер нервничал, поглядывая на присутствующих. Очевидно, он их побаивался.

— Что случилось? — спросил Юлий.

Встретив взгляд командира, солдат сглотнул. Холодные глаза на жестком худом лице Цезаря смотрели недобро, и легионер заговорил, слегка заикаясь:

— У ворот молодой испанец, легат. Говорит, что вы его ищете.

Разговоры в комнате стихли, и стражник почувствовал, что ему хочется оказаться подальше от этих пристальных взглядов.

— Ты проверил, при нем нет оружия? — спросил Юлий.

— Проверил, легат.

— Тогда пропусти его ко мне. Я хочу поговорить с человеком, который причинил нам столько неприятностей.

Стоя у дверей, Юлий ждал, пока не появился испанец. Одежда была явно мала для его угловатого костлявого тела, а по лицу Цезарь видел, что молодой человек только переступает черту, отделяющую юношу от мужчины. Вместе с тем он отметил волевой подбородок и открытый взгляд.

Их глаза встретились.

— Как твое имя, парень? — спросил Юлий.

— Адан, — произнес испанец.

— Это ты убил моего офицера? — недоверчиво спросил Цезарь.

Юноша замер, потом кивнул. На его лице отразилась борьба страха с решимостью. Он чувствовал, что на него устремлены взоры всех присутствующих, и решимость дрогнула. Испанец еще мог выйти из комнаты, но тут стражник подтолкнул его через порог.

— Подожди внизу, — велел Юлий легионеру, внезапно раздражаясь.

Адан не захотел опустить головы под враждебными взорами римлян, хотя никогда в жизни не боялся так, как сейчас. Пока Цезарь закрывал дверь за его спиной, испанец молча ругал себя за малодушие. Он смотрел, как военачальник усаживается перед ним, и чувствовал растущий ужас. Как стоять? Опустив руки по швам?.. Неожиданно они стали неловкими, мешали ему, и он сцепил пальцы за спиной.

Тишина стала невыносимой. Адан с трудом сглотнул. Он очень не хотел показать, что боится.

— Ты правильно сделал, что назвал свое имя. Ты меня понимаешь? — задал вопрос Юлий.

Адан провел шершавым языком по пересохшим губам.

— Понимаю, — ответил он.

По крайней мере голос не дрожит, как у мальчишки.

Испанец слегка расправил плечи и взглянул на остальных римлян, едва не вздрогнув от их откровенно враждебных взглядов. Особенно зло смотрел однурукий здоровяк, больше похожий на медведя. Он только что не рычал от ярости.

— Ты сказал страже, что мы тебя ищем, что именно ты убил легионера, — произнес Цезарь.

Адан перевел взгляд на него.

— Да, я сказал. Я его убил, — отрывисто ответил испанец.

— Ты его мучил, — добавил Юлий.

Адан снова сглотнул. Когда он шел по полям к крепости, то представлял себе эту сцену, но сейчас не мог вести себя с гордой непокорностью, как намеревался. Ему казалось, что он исповедуется отцу, и изо всех сил старался не выдать стыда.

— Негодяй пытался изнасиловать мою мать. Я увел его в лес. Она хотела остановить меня, но я не послушал, — деревянным голосом произнес испанец, стараясь вспомнить заготовленные слова.

Кто-то из римлян выругался. Адан не мог оторвать глаз от военачальника. Он почувствовал смутное облегчение оттого, что все рассказал ему. Теперь его убьют, а родителей освободят.

Не надо было думать о матери... На глазах закипели слезы, Адан сердито сморгнул их. Она не одобрила бы слабости, проявленной перед чужаками.

Юлий наблюдал за юношей. Молодой испанец заметно напуган, и не без основания. Стоит только приказать, и Адана выволокут во двор и казнят перед строем солдат. На том все и закончится.

Цезарь уже собирался поднять руку, однако что-то помешало ему.

— Почему ты сдался, Адан?

— Мою семью забрали для допроса. Они ни в чем не виноваты. Вам нужен только я.

— Думаешь, твоя смерть их спасет?

— Они не сделали ничего дурного.

Юлий поднес ладонь к лицу, потер бровь и, задумавшись, опустил руку на подлокотник.

— Когда я был еще моложе тебя, Адан, меня поставили перед римлянином, которого звали Корнелий Сулла. Он убил моего дядю и разрушил все, что я любил в этом мире. Он сказал, что отпустит меня, если я откажусь от жены и опозорю ее с отцом. Он обожал такие мерзкие делишки.

Какое-то время Цезарь всматривался в невообразимо далекое прошлое, и Адан почувствовал, как на лбу выступил пот. Почему ему говорят об этом? Он уже сознался, чего от него хотят? Несмотря на страх, в Адане шевельнулся интерес. Оказывается, не все римляне на одно лицо. Для него стало откровением известие, что среди них существует соперничество и вражда.

— Я возненавидел того человека, Адан, — продолжал Юлий. — Будь у меня оружие, я не задумываясь пустил бы его в ход, хотя речь шла о моей жизни. Полагаю, тебе знакомо чувство подобной ненависти.

— Ты не отказался от своей жены? — спросил испанец.

Услышав неожиданный вопрос, Юлий заморгал, потом горько улыбнулся:

— Нет, не отказался, и он позволил мне жить. Пол у ног диктатора был залит кровью людей, которых убивали и мучили по его приказу, и все же он сохранил мне жизнь. Я часто задавал себе вопрос — почему?

— Он решил, что ты не опасен, — произнес Адан, удивляясь собственной смелости в разговоре с римским военачальником.

Юлий задумчиво покачал головой:

— Сомневаюсь. Я предупредил его, что посвящу свою жизнь борьбе с ним, если меня отпустят.

Он чуть не начал рассказывать, как его друг отравил диктатора, но об этом не следовало знать никому, даже собравшимся в комнате.

Цезарь пожал плечами:

— В конце концов он умер от чьей-то руки. Жаль, что это сделал не я. И жаль, что не увидел, как свет жизни померк в его глазах.

Адан заметил, как во взоре римлянина сверкнул огонь, и отвел взгляд в сторону. Он поверил, и мысль о том, что этот человек сейчас пошлет его на смерть, заставила юношу содрогнуться.

Юлий надолго замолк, и Адан почувствовал слабость от напряжения.

Когда римлянин заговорил снова, голова испанца дернулась.

— В здешней тюрьме и в Валенсии содержатся убийцы. Одно-го из них повесят и за его преступление, и за твое. А тебя я прощаю. Я поставлю свою подпись под помилованием, и ты вернешься домой вместе с семьей, но больше не привлекай моего внимания.

Рений недоуменно фыркнул.

— Я хотел бы сказать тебе пару слов с глазу на глаз, легат, — прорычал он, злобно взглянув на Адана.

Молодой испанец стоял, открыв рот от изумления.

— Не надо, Рений. Я принял решение и не изменю его, — ответил Цезарь, не глядя на старого воина.

Он перевел взгляд на юношу, чувствуя, что с души свалился камень. Юлий был уверен, что поступает правильно. Он увидел свое отражение в глазах испанца, и снова нахлынули воспоминания.

Как пугающе выглядел тогда Сулла... Адану суровый римлянин в металле доспехов должен показаться таким же безжалостным. Он чуть не послал молодого испанца на смерть, и того зарезали бы, или сожгли, или приколотили гвоздями к воротам, как поступал со своими врагами Сулла. По иронии судьбы давний каприз диктатора спас Адану жизнь: Юлий вовремя спохватился, не огласил смертный приговор и задумался над тем, что происходит. Он не хочет, чтобы люди, живущие в этой стране, ненавидели его. Если использовать только силу, не хватит столетий, чтобы завоевать их доверие.

— Надеюсь, ты не упустишь своего шанса, Адан. Второго я тебе не предоставлю.

Испанец едва не разрыдался. Он приготовился к смерти, а получил сразу и жизнь, и свободу — это было слишком.

Адан бессознательно шагнул к Юлию и опустился на одно колено так быстро, что никто не успел помешать ему.

Цезарь наклонил голову, пристально взглядываясь в лицо молодого испанца.

— Мы не враги, Адан. Запомни это. Я должен подготовить документ о помиловании. Подожди меня внизу, — сказал он.

Юноша встал, в последний раз посмотрел в холодные глаза римлянина и вышел из комнаты.

Закрыв дверь, он привалился к стене и вытер пот с лица. Адан был ошеломлен, но чувствовал огромное облегчение и с жадностью вдыхал холодный чистый воздух. И все-таки не мог понять, почему его пощадили.

Стражник у подножия лестницы поднял голову и всмотрелся в неподвижную фигурку, прилипшую к темной стене.

— Ну что, пришел точить ножи, парень? — бросил он испанцу.

— Не сегодня, — ответил Адан и с удовольствием увидел недоумение в лице солдата.

Аккуратно наполнив чашу из амфоры, Брут вложил ее в руку Юлия.

— Ты объяснишь нам, почему отпустил его? — спросил он.

Залпом выпив вино, Цезарь вернул чашу Бруту.

— Потому что юноша вел себя мужественно, — произнес он просто.

Рений поскреб щетину на подбородке.

— Ты понимаешь, что теперь он прославится по всей округе? Парень превратится в героя, который стоял перед нами и выжил. Возможно, его сделают мэром, когда умрет старый Дель Субио. Вокруг него сплотится молодежь, и однажды...

— Хватит, — оборвал Цезарь. От хмельного напитка у него разгорелось лицо. — Как бы ты ни хотел, меч не может ответить на все вопросы. Мы должны жить с ними, не посылая наших людей парами, не ожидая удара из-за угла или засады в темном переулке. — Подыскивая нужные слова, Юлий жестикулировал, стараясь точнее выразить мысль. — Они должны стать такими же римлянами, как и мы, готовыми умереть за наши цели в борьбе против наших врагов. Помпей указал нам путь, когда набрал здесь легионы. Я говорил искренне: мы не враги. Можете вы это понять?

— Я понимаю, — неожиданно густым басом произнес Цирон, опередив ответ Рения.

Лицо Юлия засветилось от вдохновения.

— Вот оно! Цирон не был рожден в Риме, но добровольно присоединился к нам и стал римлянином. — Он лихорадочно искал слова: мозг работал быстрее, чем язык. — Рим... это скорее идея, чем кровь. Мы должны сделать так, чтобы для Адана разрыв с нами стал подобен утрате сердца. Весь вечер он будет думать, почему

его не убили. Испанец считал, что после убийства римского солдата не может быть и речи о правосудии. Он расскажет о том, что произошло, и те, кто колеблется, задумаются. Вполне достаточная причина для пощады.

— Если только он не убил ради развлечения, — заметил Рений, — и не станет говорить приятелям, что мы слабы и недалеко умом.

Воин шагнул к Бруту, взял у него амфору и наполнил свой кубок, зажав тот в локте культи. От раздражения рука дрогнула, вино пролилось на пол.

Юлий посмотрел на него, сузив глаза. Потом глубоко вздохнул, стараясь подавить закипавший гнев:

— Я не стану Суллой или Катоном. По крайней мере это ты можешь понять, Рений? Я не хочу править с помощью страха и ненависти и проверять каждое блюдо на наличие яда. Это ты понимаешь?

Голос Цезаря звучал все громче, и старый воин повернул к нему лицо, начиная сознавать, что зашел слишком далеко.

Юлий, излучая волны гнева, поднял сжатый кулак:

— Если прикажу, Цирон вырежет для меня твое сердце, Рений. Он был рожден на берегах другой страны, но он римлянин. Он солдат Десятого. И мой солдат. Я управляю им не страхом, а любовью. Ты это понимаешь?..

Рений остолбенел:

— Я знаю, конечно, ты...

Юлий остановил его движением руки, почувствовав укол боли в переносице. Гнев моментально исчез, уступив место страху перед припадком, который может произойти у всех на глазах, и он ощутил себя усталым и опустошенным.

— Оставьте меня все. Пусть придет Кабера. Прости мой гнев, Рений. Мне нужно было поспорить с тобой, чтобы разобраться в собственных мыслях...

Рений кивнул, принимая извинение, и вышел вместе с остальными, оставив Цезаря в одиночестве.

Вечерние сумерки сгущались в ночную тьму, и Юлий зажег светильники. Потом встал у открытого окна, прижавшись лицом к холодному камню стены. В голове пульсировала боль, и он негромко застонал, растирая виски круговыми движениями, как учил его Кабера.

Как много надо сделать, и все время где-то внутри звучит насмешливый голос. Неужели он прячется в этих холмах? Когда-то он мечтал стоять в здании сената, но сейчас ему туда не хочется. Корнелия умерла, Тубрук тоже. Дочь растет чужой, живет в доме, в котором за шесть лет он провел одну ночь. Были времена, когда он мечтал стать сильным и мудрым, чтобы бороться с такими, как Сулла и Помпей, а теперь его тошнит от одной мысли о возвращении к играм, связанным с властью. Нет, наверняка лучше построить дом в Испании, найти здесь женщину и никогда больше не видеть своего поместья.

— Я не могу вернуться, — произнес Цезарь вслух надтреснутым голосом.

Рений нашел Каберу в конюшне. Лекарь вскрывал опухоль, которую обнаружил возле копыта боевого коня. Казалось, лошади понимали, что он старается помочь им, и даже самые своенравные животные вели себя спокойно, стоило Кабере пробормотать несколько ласковых слов и похлопать их по шее.

Они были одни, и Рений ждал, пока Кабера иглой вскрыет опухоль и выдавит гной, пальцами массируя ткани у копыта животного. Лошадь вздрагивала, словно ей докучали мухи, но кони никогда не лягали Каберу, и нога животного в руках лекаря оставалась расслабленной.

— Он зовет тебя, — сообщил Рений.

Кабера посмотрел на однорукого:

— Пожалуйста, передай мне вон тот горшочек.

Рений передал ему горшок с густым дегтем, чтобы лекарь мог запечатать рану, и молча наблюдал, как тот работает.

Замазав копыто, Кабера повернулся к гладиатору и серьезно посмотрел на него:

— Ты беспокоишься о Юлии...

Рений пожал плечами:

— Здесь он себя убивает. Конечно, я переживаю. Цезарь совсем не спит, работает над своими картами. Я... кажется, я уже не могу поговорить с ним, чтобы разговор не вылился в спор.

Протянув руку, Кабера сжал железный бицепс Рения.

— Он знает, что ты будешь рядом, когда потребуешься, — сказал старик. — Сегодня я дам ему снотворное. Возможно, и тебе оно не помешает. Ты выглядишь усталым.

Рений покачал головой:

— Просто сделай для него что можешь. Он заслуживает лучшей доли, чем эта.

Кабера посмотрел в спину однорукому воину, который уходил во тьму.

— Хороший ты человек, Рений, — произнес он тихо, чтобы друг не услышал.

ГЛАВА 2

Сервилия стояла у поручней небольшого торгового корабля и смотрела, как постепенно увеличиваются крошечные фигурки суетящихся в доках людей. Порт Валенсии был переполнен лодками, и капитану пришлось несколько раз отгонять от судна рыбацкие барки, так и норовившие подойти вплотную. Однако это не помогало, и Сервилия лишь улыбнулась, наблюдая, как еще один молодой испанец протягивает только что пойманную большую рыбу и выкрикивает цену. От ее глаз не ускользнуло, как ловко юноша балансирует, удерживая равновесие на волнах; вся его одежда состояла из обвязанного вокруг пояса куска ткани да прикрепленного к ремню кинжала. Что и говорить, рыбак был необычайно хорош собой.

Капитан снова сердито замахал руками, однако тщетно, так как юноша протягивал добычу мило улыбавшейся ему женщине.

— Я куплю у него рыбу, капитан, — коротко заметила Сервилия.

Римский купец насупился, сердито сдвинув густые брови.

— Деньги, конечно, ваши, но в порту будет куда дешевле, — возразил он.

Красавица похлопала хозяина по плечу, и недовольство его тут же растворилось в смущении.

— Как бы то ни было, сейчас очень жарко, и после стольких дней на борту я предпочла бы что-нибудь свежее.

Капитан сдался и сбросил рыбаку канат. Тот крепко привязал его к сети и ловко вскарабкался на палубу, с легкостью переметнувшись через перила. Молодой испанец казался почти черным от загара и закаленным постоянными трудами. На смуглой коже иск-

рами блестела морская соль. Низко поклонившись в знак благодарности за внимание, он начал втягивать на борт свою сеть. Сервилия внимательно, со знанием дела наблюдала, как играют на плечах и спине крепкие мускулы.

— А лодочка твоя не уплывет? — поинтересовалась она.

Испанец открыл было рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент капитан презрительно фыркнул:

— Боюсь, вам не удастся побеседовать. Он наверняка понимает только по-своему. У них здесь и школ-то толком нет, придется нам строить.

От глаз Сервилии не ускользнул гневный взгляд юноши, внимательно слушавшего все, что говорит капитан. От сети к лодке тянулась тонкая веревка, и одним ловким движением рыбак закрепил ее на поручне, а потом, словно отвечая на вопрос Сервилии, постучал по узлу пальцем.

В сети извивалась и кишела плотная масса какой-то темно-синей рыбы, и Сервилия невольно вздрогнула и отступила на несколько шагов назад, будто стремясь отойти как можно дальше от неприятного зрелища. Рыбак улыбнулся такой брезгливости и вытащил за хвост крупную рыбку. Она оказалась длиной почти с его руку и еще живой — отчаянно дергаясь, отвратительное создание к тому же бешено вращало глазами. Синяя чешуя была блестящей и безупречно гладкой, а вдоль спины, от хвоста к голове, тянулась еще более темная полоса. Сервилия кивнула и подняла руку, показывая пять пальцев.

— Капитан, пять штук вашей команде хватит? — уточнила она.

Римлянин проворчал что-то одобрительное и свистом подозвал двух подчиненных, чтобы те забрали покупку.

— Несколько медных монеток вполне достаточно, госпожа, — посоветовал он.

Сервилия расстегнула стягивающий талию широкий пояс и достала деньги. Выбрала серебряный динарий и протянула его рыбаку. Тот поднял брови и достал из сети еще одну, самую большую рыбу, а потом затянул веревку. С выражением триумфатора взглянул на капитана и развязал узел на поручне, а потом перелез через него и нырнул в прозрачную голубую воду бухты. Сервилия, наклонившись, ждала, пока юноша покажется на поверхности. Вот наконец она его увидела и радостно рассмеялась, наблюдая,

как ловко, сверкая на солнце, почти как рыба, красавец снова залез в свою лодчонку. Он втянул сеть на борт и помахал рукой.

— Какое прекрасное начало, — негромко произнесла Сервилия. Капитан в ответ пробормотал что-то невнятное.

Державшие рыбу моряки достали из стоявшего на палубе сундука тяжелые деревянные дубинки и, прежде чем Сервилия поняла, что они делают, начали с силой бить по блестящим рыбьим головам. От этих ударов вращающиеся глаза моментально исчезли, вся палуба оказалась забрызгана кровью. Одна капля даже попала на руку госпоже, и красавица поморщилась. Зато моряки явно наслаждались процедурой: так оживленно они не вели себя за все время плавания из Остии в Валенсию. Убийство будто вселяло в них жизненные силы — занимаясь своим грязным делом, они смеялись и шутили.

Наконец избиение закончилось. Вся палуба была покрыта кровью и серебряной рыбьей чешуей. Матросы спустили за борт плотняное ведро и старательно вымыли деревянный настил.

— В порту очень много кораблей, госпожа, — произнес капитан, щурясь от солнца. — Я, конечно, постараюсь встать на якорь как можно ближе, однако все равно придется ждать несколько часов, пока в доках освободится место.

Сервилия с тоской взглянула на Валенсию — неожиданно отчаянно захотелось ощутить под ногами землю.

— Вам виднее, капитан, — промолвила она в ответ.

Нависающие над портом горы заполнили горизонт; на фоне темно-синего неба они переливались всеми цветами радуги, от зеленого до красного. Где-то там, за горами, ее сын Брут. Как приятно будет наконец-то встретиться с ним!.. Стоило Сервилии подумать о молодом человеке, его друге, как сердце сжалось почти до боли. Интересно, каким он стал? Как изменили его годы? Римлянка бессознательно провела рукой по волосам, приглаживая выбившиеся от влажного морского ветра непослушные локоны.

К тому времени как римскому торговому судну удалось пробиться сквозь плотные ряды стоящих на якорю кораблей и войти в доки, вечер уже приглушил жаркое дневное солнце, окутав все вокруг серой дымкой. Сервилия взяла с собой в путешествие трех самых красивых из своих девушек, и сейчас они стояли на палубе рядом с госпожой и смотрели, как матросы кидают канаты порто-

вым рабочим, а потом осторожно на веслах подходят к массивным деревянным бимсам. Дело казалось сложным, но капитан проявил недюжинный опыт и сноровку, отдавая короткие, четкие приказы и дублируя их красноречивыми жестами.

В воздухе витало радостное нетерпение; девушки весело смеялись и шутили. Сервилия не мешала молодежи развлекаться. Всех трех девушек работа еще не лишила веры в любовь. Больше того, самая молодая из них — Ангелина — постоянно влюблялась в клиентов, и почти каждый месяц кто-нибудь предлагал выкупить ее, намереваясь жениться. Но названная цена почему-то всегда поражала, и Ангелина несколько дней дулась — до тех пор, пока кто-нибудь еще не завоевывал ее сердце.

Девушки были одеты скромно, словно дочери состоятельного, благовоспитанного семейства. Сервилия чрезвычайно пеклась об их безопасности, прекрасно понимая, что даже короткое морское путешествие вселяет в мужчин чувство свободы на грани безответственности, а это может привести к неприятностям. Платья были сшиты так, чтобы скрыть соблазнительные линии юных тел, однако в сундуках хранились и более откровенные наряды. Если все, о чем писал Брут, окажется правдой, то работы здесь будет хоть отбавляй, и три красавицы окажутся первыми в том доме, который она, Сервилия, собирается купить. Те моряки, которые сейчас ворчат, перетаскивая из трюмов на палубу тяжелый багаж, и представить себе не могут, сколько золота ожидает его хозяек.

От приятных мыслей Сервилию отвлек внезапный вскрик Ангелины. Хозяйка успела заметить поспешно удаляющегося матроса и довольное выражение на лице проказницы — да, хорошо, что плавание уже позади.

Капитан крикнул докерам, чтобы те закрепили канаты, и матросы радостно оживились, предвкушая удовольствия, которые сулил берег. Сервилия встретила взглядом с капитаном. Тот шел к ней, и выражение его лица было куда более любезным, чем обычно.

— Разгрузиться мы сможем только утром, — произнес капитан. — Если хотите сойти на берег и ночевать там, могу порекомендовать несколько подходящих мест. А насчет багажа — у меня здесь живет родственник, по сходной цене он даст столько повозок, сколько нужно.

— Спасибо, капитан. Плавание прошло просто прекрасно.

Сервилия улыбнулась и с удовольствием отметила, как покраснел собеседник. Приятно, что не только у Ангелины на корабле появились поклонники, подумала она.

Капитан откашлялся, явно собираясь сказать что-то еще. Он заметно нервничал:

— Я сегодня обедаю один. Может быть, вы согласитесь составить мне компанию? С берега пришлют свежие продукты, много фруктов, так что стол окажется гораздо лучше, чем обычно.

Сервилия положила руку на плечо мужчины и сквозь ткань одежды ощутила жар его тела.

— Боюсь, придется отложить удовольствие до другого случая. Я хочу до рассвета отправиться дальше. Не могли бы вы выгрузить мой багаж в первую очередь? Я договорюсь с легионерами об охране — до тех пор, пока не загрузим все в повозки.

Капитан кивнул, пытаясь скрыть разочарование. Первый помощник сказал, что пассажирка — шлюха, однако он почему-то чувствовал, что предложить ей деньги нельзя: это приведет к страшному унижению. На какое-то мгновение капитан вдруг показался таким одиноким, что Сервилия даже подумала, не поручить ли Ангелине поднять ему настроение. Маленькая блондиночка явно отдавала предпочтение мужчинам в возрасте: ведь им так легко угодить и они всегда так благодарны. Однако он может и отвергнуть предложение. Люди его лет, как правило, любят получать удовольствие в обществе зрелых женщин, и простоватая откровенность этой девочки, пожалуй, вызовет лишь неловкость.

— Ваши сундуки окажутся на пристани в первую очередь, господа. Мне было приятно провести время плавания с вами.

Капитан задумчиво наблюдал, как пассажирка поднимается на причал. Матросы собрались на палубе, готовые предложить помощь молоденьким красавицам, и хозяин смерил их суровым взглядом. Однако, на секунду задумавшись, отправился вслед за Сервилией, понимая, что помощь действительно понадобится.

Юлий настолько погрузился в работу, что едва обратил внимание на стук в дверь. Пришел охранник.

— В чем дело?

Легионер поднял руку в обычном приветствии, однако не смог скрыть волнения:

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛЕ МЕЧЕЙ. <i>Перевод А. Коноплева</i>	5
БОГИ ВОЙНЫ. <i>Перевод Е. Савосиной</i>	503